

Мой отец, Синявский Иван Иосифович, родился в деревне Новиковка Асиновского района в 1900 году в большой крестьянской семье из девяти душ, был старшим среди детей. В деревне окончил четыре класса и уехал в Томск, учился там и работал. Потом вернулся в деревню и стал помогать крестьянствовать своему отцу. В то время у деда совсем развалилось хозяйство, последняя лошадь пала. Отец мой уехал в Томск на заработки, а вернулся оттуда членом ВКП(б). Как только женился он на моей матери, стал избачем в селе В.Пашня при волисполкоме, потом в Кусково, Апсагачево, Н.Николаевке, Итатке. В 1935 году мать с отцом переехали в Томск.

Всё это рассказывала мать. А вот что я помню. Поселились мы в Томске на карантинной фабрике в шестом бараке. Отец сильно болел, его из армии комиссовали с грижей в паху. Поэтому вскоре он ушел с карантинной фабрики на более легкий труд, на госмельницу. Осенью 1937 года (мне уже было восемь лет) отец пришел с работы ночью, весь в пыли и маме тихо сказал, что его какие-то три человека начали преследовать ещё в пещере и крадутся за ним. Сказал, что партбилет спрятал в пенелках моей младшей сестры, велел не зажигать свет и всем молчать.

В корридоре чуть слышно скрипнула дверь, кто-то подкрадывался к нашей двери. Мы все насторожились, отец же этого не слышал, он в то время снимал рубашку. Затем стало слышно, как кто-то берется за ручку двери, и в один миг дверь распахнулась. Один мужик с наганом уларил отца, двое сразу заломили руки за спину, рубашка на отце лопнула. Мы с сестрой подняли визг, а мама больна была и беременна, не могла встать. Первый, тот, что с наганом, бросился к нам и приказал маме: "Уйми, сука, своих гапов, перестреляю всех!" А мама не могла нас унять, она потеряла сознание. И тот, что с наганом, сказал, мол, плохо стөрва лышит, надо спешить, а то хозяин будет недоволен.

Реветь мы сами перестали, когда он навел на нас наган. Те, двое

расстегнули у отца брючный ремень, брюки его сползли до колен. Маму за волосы подняли, посадили на койке, затем стали стаскивать на пол и поставили в другой угол на колени. Она пришла в себя, но, видимо, потеряла рассудок. После у мамы случались припадки, а за год до смерти её парализовало. У отца стали спрашивать, куда он собрался идти ночью? Отец сказал им, что они его видели на работе, и он видел, как они крались за ним. Но его по-прежнему спрашивали, куда собирался и почему он грязный. Отца тряхнули за плечо и он не устоял, потому что брюки были опущены, упали на колени, так его дальше и допрашивали.

Мама говорила что-то, её понять не могли и подняли насмех. Начали обыск, кидали, ломали всё подряд, высмеивая нашу бедность. Нас, детей, всё время держал под наганом один, а двое зверствовали и продолжали обыск, причем так тихо, что соседи, видимо, и не слышали.

Они сами шума боялись. Все трое были молодые, лет по двадцать-двадцать три, не более. Упитанные, плечистые с красными мордами. Наш отец, маленький, худенький, был перед ними как мальчишка.

Им сильно нужен был отцов партбилет: требуя билет, они пинали отца, пинали исподтишка и улыбались. А нам, детям, стало не так страшно от того, что они улыбались. Мама только тогда заплакала, когда отца заставили одеться в чистую одежду. Отцу предложили: "Возьми партбилет и иди сам в милицию". Тогда отец сказал громко: "Не увидят враги народа мой партбилет".

А его схватили втроем за руки и стали раскачивать, смеясь, и ударять всем переломом о стену. Я спрыгнул с койки к отцу и получил удар наганом по шее. Очнулся, когда уже соседи сидели возле нас на койке. Женщины ставили мне компресс, другие забеливали стену, мыли пол.

Маму стали бить припадки. Саша родился слабым, больным, прожил два года и умер. А маму нигде не брали на работу, она занималась стиркой белья в общежитии. Только позже взяли её временно на погрузку вагонов.

По рассказам мамы те трое забрали с собой все документы, все фотографии, обручальные кольца и карманные часы с двумя крышками — ими премировали отца.

В 1942 году кто-то толкнул сестренку под проходящий вагон на карантинной фабрике. Ей было десять лет. Пришли домой с похорон, а квартира пуста и оставлена записка: "Долго живете".

Так остался я один из большой когда-то семьи.